

В этот момент он почувствовал себя цирковой обезьянкой.

Войдя внутрь, он увидел, как Чэнь Фан, неистово жестикулируя, кричала на тетушку Лю:

— Я передумала! Если он не согласится, я пойду к начальству и заявлю, что он не чтит отца! Я его мачеха, а его отец — его родной отец! В нем течет...

Позади нее стоял Ли Цин с глубокими морщинами на лбу, всем своим видом выражая скорбь и страдание, но молчал. В глубине комнаты смутно виднелись фигуры Ли Фэна и Ло Сяотао.

При виде вошедшего Чжоу Хэна крик Чэнь Фан оборвался.

Множество пар глаз устремились на Чжоу Хэна, ожидая, что он предпримет. Согласится ли он? Едва ли. Все прекрасно знали, как Чэнь Фан с ним обращалась. С другой стороны, в одном она была права: Ли Цин — его родной отец, который, как ни крути, вырастил его до совершеннолетия.

— Отец, мать, я слышал, вы тут ссоритесь? Чего шуметь? Пойдемте домой, зачем вам лезть в чужие дела? — спокойно произнес Чжоу Хэн.

Тетушка Лю, до этого с трудом сдерживавшая гнев, при виде спокойствия Чжоу Хэна и его слов почувствовала, как раздражение мгновенно улетучилось. И правда, зачем лезть в чужие дела?

— Ладно, идем домой. Ты, небось, проголодался? Вернемся, я приготовлю что-нибудь вкусное!

Дядя Ли-второй тоже расслабился.

— И еще кое-что, — Чжоу Хэн перевел взгляд с Чэнь Фан, которая явно собиралась что-то сказать, на стоящего за ее спиной Ли Цина.

Он всегда был таким. Когда его травили и били, неужели Ли Цин не знал? Знал, но предпочитал закрывать глаза. Вся дурная слава доставалась Чэнь Фан: это она урезала паек, это она была, это она выгнала его из дома. Мужчина оставался как бы ни при чем. Сейчас то же самое: Чэнь Фан лезет на рожон, а он молчит, молчаливо одобряя ее действия. Если получится — он в доле, если нет — виновата только она.

— Дядя А-Цин, по крови я ваш сын, и вы растили меня до шестнадцати лет. У детей есть обязанность содержать родителей. Я буду исполнять свой долг согласно закону: когда вы состаритесь, я буду присылать вам ежемесячный паек, и если заболите, тоже помогу с расходами на больницу.

— Ты... ты неблагодарный сын! — яростно выкрикнул Ли Цин, услышав такое обращение.

— Теперь у вас есть только один сын — Ли Фэн. Странно, вы что, забыли, как я жил раньше?

Как вы могли быть настолько наивны, чтобы думать, будто я стану вас слушаться? — Чжоу Хэн искренне не понимал логики прежнего хозяина этого тела.

Чэнь Фан побагровела:

— Я пойду жаловаться! Плевать на законы, я знаю одно: дети обязаны почитать родителей, это закон природы!

— Если не знаете законов, сходите спросите. А если захотите пожаловаться после — ваше право, мне все равно. О, кстати, то, как вы обращались со мной раньше — это нарушение закона. Если дело дойдет до разбирательств, еще неизвестно, кого из нас заберут.

— Ты не боишься, что мы на тебя донесем? Ты наверняка занимаешься спекуляцией, за это в тюрьму сажают! — Чэнь Фан, глядя на невозмутимое лицо Чжоу Хэна, внезапно охватил страх, и она выложила свой главный козырь. Она бы ни за что не стала разглашать свои подозрения, если бы знала, как еще на него надавить.

— Спекуляция — это дела давно минувших дней. Сейчас государство поощряет людей брать инициативу в свои руки и богатеть. Ведение собственного дела — это ответ на призыв государства, — Чжоу Хэн не стал оправдываться. Хотя в деревне никто не спрашивал в открытую, многие тайком вынюхивали, и немало людей догадывались о правде.

Чэнь Фан, видя его спокойствие, не знала, что и ответить. Она перевела взгляд с лица Чжоу Хэна на толпу вокруг. Что это за выражения лиц? Насмешка? Они смеются над ней?

— Вот и всё. Я буду обеспечивать вас пайком, а об остальном забудьте. И еще: моя семья переезжает, я знаю, что вы очень заняты, поэтому, чтобы не отвлекать вас от работы в поле, приглашать не буду.

— Ты не находишь, что ведешь себя слишком нагло? — не выдержал Ли Фэн, выбежав из дома.

— А ты не находишь, что ты бесполезен? Если бы ты был на что-то способен, твоя мать не пыталась бы вытрясти из меня ресурсы. Ты считаешь это само собой разумеющимся? У тебя есть сестра, родная по матери. В будущем, когда ты сам начнешь запасать зерно, пусть мать отдаст его ей, ведь она же твоя сестра, — парировал Чжоу Хэн.

Лицо Ли Фэна тоже покраснело:

— Это другое! Сестра — девчонка, как мать может просить меня помогать ей?

— Почему же другое? Ладно, хватит разговоров. Я не сегодня вас узнал, на этом и покончим. — Чжоу Хэн улыбнулся Старшему дяде Ли и остальным: — Простите за беспокойство. Вопрос об усыновлении был решен давно, вы уже потратили те триста юаней, так что о каком отказе может идти речь?

Упоминание о трехстах юанях прозвучало с нескрываемой иронией.

Его продали родителям за триста юаней, а он взял и преуспел: купил телевизор и дом, потратив не меньше четырехзначной суммы. Увидев ценность этого сына, они решили все отыграть назад? Где это видано?

Зеваки начали тыкать пальцами в Чэнь Фан и Ли Цина. Глядя на удаляющуюся спину неблагодарного сына, Ли Цин все больше багровел, а затем перед глазами у него потемнело, и он потерял сознание.

Когда они отошли подальше, до них донеслись крики. Дядя Ли-второй заволновался:

— Действительно ли все в порядке?

— Старший дядя Ли там, скорее всего, он просто переволновался. Придет в себя — и все пройдет. Я видел, как кто-то побежал за врачом, потом спросим у дяди.

Позже выяснилось, что так и было: Ли Цин просто перенервничал.

После этого происшествия вся деревня загудела. Чжоу Хэну стоило выйти на улицу, как он ловил на себе сотни взглядов. На следующий день, чувствуя досаду, он вместе с дядей Ли-вторым и остальными собрал вещи и уехал.

В конце концов, свою цель они достигли.

Сейчас в деревне эта тема была на пике обсуждения, но скоро появятся другие поводы для сплетен, и когда они вернутся, пересудов будет гораздо меньше.

Дядю Ли-второго и тетюшку Лю беспокоила репутация. Доброе имя — вещь важная, а после такого поступка, даже если Ли Цин и был неправ, многие называли Чжоу Хэна бессердечным.

Чжоу Хэн утешал их: не стоит переживать. Если не случится чего-то непредвиденного, они будут возвращаться сюда нечасто. Пусть говорят что хотят, важнее — собственная жизнь. Когда они увидят, что у них все хорошо, сплетникам останется только завидовать.

В глазах дяди Ли-второго и тетюшки Лю, Чжоу Хэн всегда был молчаливым, но решительным. Если он что-то решил, переубедить его было почти невозможно.

Видя его настрой, они перестали поднимать эту тему, про себя решив, что при первой же возможности постараются улучшить его репутацию. Он ведь такой заботливый сын, хорошо их одевает и кормит, уважает жену, работающий, всю тяжелую работу берет на себя...

Несмотря на тревогу, они понимали, что людская молва страшна. Но у Чжоу Хэна не было времени на пустые раздумья: переезд, столько дел — когда работаешь, думать о лишнем некогда.

Чжоу Хэн рассказал обо всем Ван Юэ. Она, поглаживая спящего рядом Сяо Кана, тихо спросила:

— Он упал в обморок, правда, ничего серьезного?

— Ничего. Врач сказал, что как проснется — все будет нормально. Я даже попросил Старшего дядю Ли передать ему кое-что из еды, все-таки это я его довел.

— ...Ты правда больше не держишь зла? — Ван Юэ помнила тот взгляд, полный тоски, когда он раньше говорил об отце и брате.

Действительно, они не виделись уже очень давно.

— Это просто дальние родственники. Мои настоящие родители — это те, кто со мной сейчас. А те... когда он состарится, я буду выделять ему паек, чтобы обеспечить прожиточный минимум. Остальное — забота Ли Фэна.

— ...Все же не стоит доводить до открытой вражды. Когда Сяо Цюань и остальные вырастут, люди могут что-то сказать, — мягко посоветовала Ван Юэ.

Она слышала от других о том, как муж жил раньше, и сердце ее обливалось кровью. И хотя она не могла простить ту сторону, она беспокоилась о добром имени.

— Не волнуйся, я знаю, что делаю.

Оставив все тревоги позади, вскоре настал выбранный для новоселья день.

Хотя в тот день разыгралась целая драма, все приглашенные пришли, никто не отсутствовал. Те, кто был подальше, прислали по одному-два человека, а близкие — всей семьей. Старший дядя Ли, Ван Цзе с семьей, сестры Ван Юэ с мужьями, тетушки — все приехали. Дорога на новоселье стоила денег, и даже ради такого случая многие не хотели тратиться, но все же приехали, и каждый принес с собой хоть какой-то подарок.

Чжоу Хэн и дядя Ли-второй с самого утра отправились на станцию встречать гостей.

Когда они увидели дом, даже самый бывалый из них, Старший дядя Ли, невольно причмокнул

от удивления и обошел его несколько раз.

Железные ворота, стеклянные окна, белоснежные стены, плитка на полу — такая чистая, что, стоило им войти, как тут же оставались грязные следы.

Ван Юэ подготовила чай на площадке у входа. Новый дом нужно было показать гостям, поэтому ценные вещи заперли, а остальное оставили открытым, не боясь, что дети что-то испортят.

Увидев такой дом, они были ошеломлены: Чжоу Хэн ведь не говорил, что это будет двухэтажный особняк!

Тетушка Лю хлопотала на кухне с соседками, а ее три сестры, осмотревшись, тут же принялись помогать:

— Сестра, теперь ты будешь жить в свое удовольствие. Посмотри, какой дом! Никакого ветра, никакого дождя, окна стеклянные — как светло! Даже в дождь все видно.

— А вечером как светло будет! Я только что включила свет — лампочки такие мощные, это же сколько электричества ест! А телевизор? За свет, небось, придется платить прилично.

— Заживешь теперь, работать не надо, только внуков нянчить.

— Я сейчас в туалет ходила — ой, никогда такого не видела!

— А пол этот плиточный? Я слышала, одна плитка стоит недешево...

Тетушка Лю, слушая их завистливые речи, сияла:

— Да какое там удовольствие? Всю жизнь в трудах. Скоро Сяо Цюань в школу пойдет, дел прибавится, да и двое младших еще на руках.

— В школу пойдет? У вас трое взрослых, неужели не справитесь? А поля кто будет обрабатывать?

— Землю отдали Старшему дяде Ли, будем получать часть урожая, а сами туда уже не вернемся.

— Я тут походила, посмотрела — места полно, можно овощей посадить, кур завести. Что не съедите — продадите, лишняя копейка в дом.

— Точно-точно! Сын у тебя молодец, сделал из тебя горожанку. Будешь овощи выращивать, кур

кормить — красота!

— Да, сестра, теперь ты отдыхаешь, а нам еще пахать и пахать.

— Дети непутевые, невестки вечно грызутся, не успеешь прикрикнуть — не успокоятся.

— Сестра, а твоя невестка как с тобой?

Тетушка Лю улыбнулась:

— Хорошая девчонка, добрая невестка. Мирная, всегда посоветуется.

— Вот и хорошо. Мой младший тоже скоро жениться будет, надо смотреть в оба, чтобы не попалась какая-нибудь упрямая.

— Твоя еще ничего, а у моей старшей невестки в голове только ее родительский дом, так и норовит все из нашего дома туда перетащить...

Стоило заговорить о невестках, как у деревенских матерей не было конца разговорам. Тетушка Лю слушала, не вмешиваясь — жаловаться ей было не на что, Ван Юэ она действительно считала отличной невесткой.

Ближе к обеду кто-то спросил:

— Чем это Шитоу занимается? Так зарабатывает! Всего год прошел, а посмотрите — и телевизор, и дом! — Все тут же наострили уши.

— Шитоу работает на подхвате у людей. Ему повезло встретить добрых людей, которые его ценят. Но не смотрите на это, он очень много работает. Дома бывает всего несколько дней в месяц, постоянно в разъездах по всей стране, живет в поездах.

— Чжоу Хэн, небось, занят? Сестра, ты же видела, как мой старший рос — работающий, честный, надежный. Если Шитоу будет не успевать, пусть позовет его помочь.

— И мой тоже...

— Мой тоже может, он бы с радостью поехал, опыта набрался.

— Я спрашивала, он сказал, что пока не нужно. Он сам работает на других, если появится возможность — конечно, спросит у своих.

Услышав это, они немного разочаровались, но настаивать не стали.

— Вы теперь городские, прописку перевели?

В то время городская прописка ценилась гораздо выше сельской, и тетушка Лю специально спрашивала об этом Чжоу Хэна.

— Сейчас по карточкам зерно не выдают, так что прописка особо ничего не дает, — пересказала она слова сына.

— Тоже верно. Мы хоть и деревенские, но земля есть, если трудиться — голодными не останемся.

— Вот именно.

— Слышала, твой старший внук в школу собирается?

— Да, отец сказал, в детский сад отдаст, все дети в таком возрасте идут.

— Да что он там выучит в таком возрасте?

— Не знаю, но раз отец говорит, что хорошо, значит, так для ребенка лучше.

Ван Цзе и Ван Хай обошли весь дом. Увидев Ван Юэ, они тихо спросили:

— Сестра, во сколько зятю обошелся этот дом?

Они помогали на стройке и получили неплохую плату, но точную сумму затрат не знали. Ван Юэ оглянулась на толпу гостей:

— В другой раз расскажу подробно.

К праздничному обеду подошли серьезно: Чжоу Хэн купил полтуши свинины. На каждом столе было два «серьезных» блюда: жареные мясные шарики и тушеное мясо с горкой. Кроме этого — рыба, фаршированный тофу, дайкон, древесные грибы с мясом, маринованные яйца, зелень — всего восемь блюд, столы ломились.

Обед прошел на ура. Многие пропустили завтрак, чтобы наесться досыта, и не были разочарованы. Чжоу Хэн видел, как гости то и дело ослабляли пояс.

Во время обеда Чжоу Хэн и дядя Ли-второй не присели ни на минуту, обходя столы с рюмками. Даже если каждый выпивал по чуть-чуть, дядя Ли-второй захмелел и ушел отдыхать. Чжоу Хэн,

обладая крепкой головой, сопровождал гостей до конца.

Пиршество затянулось. К вечеру часть гостей уехала, но большинство решили остаться на ночь.

Людей много, жарко, мужчины освежались холодной водой, остальные — теплой. В ванной комнате, выложенной плиткой, под струями воды гости чувствовали себя невероятно комфортно.

Ночью многие спали на циновках в старом доме. Места было мало, спать было не очень удобно, но это не испортило им настроение.

Чжоу Хэн, как хозяин, уступил свое место гостям, а сам остался в главной спальне. На следующее утро, позавтракав, он повел их на прогулку по городу. Особенно всех впечатлил универмаг — каждый хотел туда заглянуть.

К полудню, когда они возвращались, никто не шел с пустыми руками.

Обед состоял из вчерашних остатков, но они были такими сытными и вкусными, что никто не возражал. После обеда гости начали собираться в обратный путь.

Чжоу Хэн и дядя Ли-второй проводили их до станции, и только когда автобус тронулся, они с облегчением выдохнули.

Праздник — это хорошо, но устали они изрядно. Детей было трое, плюс приехавшие — Чжоу Хэн сомневался, что поспал хоть два часа, постоянно слыша то плач, то беготню.

Теперь, когда все закончилось, он наконец почувствовал легкость. Радовало и то, что никто не завел разговор о той ссоре.

Тетушка Лю и Ван Юэ тоже не сидели без дела: у колодца они терли тряпками столы и посуду — все было взято напрокат, нужно было вернуть в чистоте.

Сяо Цюань играл в углу с деревянной лошадкой, а двое младших в кроватке что-то лепетали, разглядывая свои пальчики.

Картина была наполнена тихим счастьем.

После долгой жизни в деревне им поначалу было непривычно, но в городе оказалось не так уж и плохо. К тому же у них был небольшой сад, где можно было покопаться с мотыгой, так что скучать не приходилось. Соседи оказались дружелюбными, дети быстро подружились — Сяо Цюань начал ходить в детский сад с соседским мальчишкой. Взрослые тоже быстро освоились,

местные жители подсказывали, что и где лучше купить, и жизнь с каждым днем становилась все приятнее.

Тетушка Лю поначалу боялась, что им будет неуютно в городе, но с двумя малышами и новыми друзьями они быстро пустились здесь корни.

Освобождение от бесконечной тяжелой работы в поле было настоящим счастьем. Дядя Ли-второй спустя пару месяцев тоже привык: не нужно вставать ни свет ни заря, не нужно гнуть спину под палящим солнцем. Он ухаживал за огородом, кормил кур, уток и гусей. А так как соседи не знали, что Чжоу Хэн — приемный сын, никто не шептался у них за спиной. Для всех они были просто обычной семьей из семи человек.

Если бы не редкие поездки в деревню, где кто-то нет-нет да и вспомнит прошлое, они бы почти забыли, как все было на самом деле.

<http://bllate.org/book/21637/2232685>